

Афанасьева Н. Полиграфическая секция и Библиографический отдел ГАХН // Искусствознание. 1998. №1. С. 310-317

Наталья Афанасьева

Полиграфическая секция и Библиологический отдел ГАХН

В марте 1922 года по инициативе А.А.Сидорова в Академии Художественных Наук была организована Полиграфическая секция. В ее ведение входили вопросы, связанные с историей, теорией, методологией книги, социологические, эстетические и технологические проблемы книжного дела и полиграфии.

В отличие от других книговедческих организаций того времени (Ленинградского института книговедения, ЛОБ, РОДК, Полиграфической секции при ЦНТК МГСПС, Комиссии по изучению искусства книги Госиздата, Библиографического и Библиологического обществ, и т.д.) Полиграфическая секция ГАХН (государственного учреждения) руководствовалась в своей деятельности прежде всего строго намеченным планом и целью, как было указано в программе на 1922—1923 годы, оказывать «непосредственное влияние на полиграфическое производство РСФСР через подробное историческое и теоретическое изучение книги в России»¹. Секция имела полномочия официального органа Госиздата и выполняла роль своеобразного координирующего центра всей деятельности в области искусства книги, ведущейся на территории молодого советского государства.

Доказывая необходимость создания в рамках Академии — высшего органа советского искусствознания тех лет специальной секции, занимающейся вопросами книжного дела, А.А.Сидоров указывал:

«...в книге, больше, может быть, чем в картине или скульптуре, отразился эволюционирующий художественный стиль эпохи, <...> все проблемы искусства вообще, композиция и конструкция художественной формы в книжном мастерстве вполне налицо, наконец, более непосредственная, чем где бы то ни было, связь формы с содержанием в тексте книги через набор в печать позволяет со всей остротой поставить именно здесь вопрос о влиянии идеологии искусства посредством его формы на его потребителей»².

Прежде интересы книговедов группировались преимущественно вокруг содержания книги. Полиграфическая секция, впервые сделав книгу объектом серьезного искусствоведческого изучения, обратилась к истории и теории искусства книги, перенеся предмет исследования на ее форму. Закономерно, что именно в это время книга стала предметом научно-художественного исследования, так

как многочисленны, зачастую самые смелые и эпатажные эксперименты в области искусства книги, которые на рубеже веков начали художники «Мира искусства», а позднее продолжили футуристы, переместили книгоиздание с периферии культуры. , кругу вопросов, связанных с наукой об искусстве в 20-е годы, «все более настоятельно выдвигаются на первый план проблема художественной печати, или, что то же, искусства книги»³.

В работе секции принимали участие книговеды, искусствоведы, библиографы, библиотековеды, художники-графики: А.А.Сидоров, В.Я.Адарюков, П.Д.Эттингер, М.И.Фабрикант, Н.Ф.Гарелин, Н.П.Кашин, А.И.Некрасов, М.С.Базыкин, Б.С.Боднарский, М.А.Добров, А.И. и К.С.Кравченко, С.А.Клепиков, М.И.Щелкунов, П.П.Шибанов, В.А.Фаворский и др. — численность состава колебалась в пределах 50 человек. В штате состояли председатель (А.А.Сидоров), его заместитель (В.Я.Адарюков), ученый секретарь (М.П.Никитин, затем А.И. Кравченко), а также заведующие подсекциями.

Работа Полиграфической секции велась по следующей схеме: проводилось два рода заседаний — научные пленарные, на которых читались доклады исследовательского типа, дискуссии, устраивались выставки и т.п., а также групповые заседания по подсекциям.

В составе секции было 3 подсекции (или отдела): общего книговедения, библиотечный и печатнографический .

В задачи отдела общего книговедения (переименованного в 1925 году в подсекцию методологии книги), которым руководил М.И.Фабрикант, входила научно-исследовательская работа по изучению исторических, материальных, бытовых и идеологических предпосылок, при наличии которых создавалась «книга как таковая». являясь частью в истории книги вообще, эта работа, однако, ставила перед собой весьма конкретные, узкоспециальные цели — исследование «истории *форм* и стилей русской книги и установление условий, вызывающих эти формы»⁴. Было намечено 3 основных направления деятельности: 1) подведение итогов тому, что уже было сделано ранее в этой области, оценка литературы, т.е. создание библиографии по русской книге; 2) создание классификации книги и книжного дела, разработка методов исследования книги; 3) изучение техники и установление «принципов композиции книги»; исследование книжного мастерства, формата книги, бумаги, шрифтов, украшений, иллюстраций и книжных знаков. В работе отдела участвовали Н.Ф.Гарелин, Л.Р.Варшавский, А.А.Сидоров.

Основной задачей Библиотечного отдела (переименованного в 1924 году в подсекцию истории книги) являлось изучение вопросов библиотекведения в области художественных наук и полиграфии: теоретические разработки по терминологии и системе описания книг в зависимости от тех или иных задач изучения; собирание материалов по истории библиотек, издательств, а также истории техники и искусства книги. Участники подсекции составляли различные картотеки, производили описание книг и осуществляли управление библиотекой ГАХН — центральной библиотекой государственного масштаба в области искусствоведения. Заведовал отделом М.А.Добров; в работе участвовали Н.Ю.Ульянинский, Н.П.Кашин, Н.Ф.Гарелин, Б.П.Пожарский, И.К.Линдеман.

Печатно-графическая подсекция (под руководством В.Я.Адарюкова) занималась изучением графического искусства, куда включалось изучение гравю-

ры (гравюра как вид графики, как вид изобразительного искусства), печатного искусства (полиграфии), рисунка на бумаге и на дереве, а также акцидентной печати (прикладная графика, плакат, этикетка, обертка, эмблема, графика, связанная с художественным производством, и т.д.). В подсекции состояли П.Д.Эттингер, А.И.Некрасов, А.И.Аристова, С.А.Клепиков, Н.М.Николаев, Л.Р.Варшавский.

Для научных и показательных целей был создан Полиграфический архив, куда собирались наиболее интересные образцы печатного и графического искусства: книжные и нотные обложки, титульные листы, украшения, гравюры, шрифты, книжные знаки, произведения прикладной графики и т.д. Этой работой руководил А.И.Кравченко.

Главной темой исследований Полиграфической секции на протяжении 1922—1925 годов была история русского книжного дела (в результате чего была создана коллективная монография «Книга в России»), а также современная книга и графика, советская и зарубежная (журнал «Гравюра и книга»). В качестве практической работы участники секции занимались составлением «Подробного словаря русских гравюров и литографов» (представляющего собой измененный и дополненный вариант «Словаря» Д.А.Ровинского), «Словаря художественных терминов» в сотрудничестве с Философским отделением Академии, устраивали выставки, составляли картотеки иллюстрированной книги, экслибрисов, периодики по искусству и т.д.

В таком виде Полиграфическая секция просуществовала до 1925 года, когда в Академии началась структурная перестройка. На последнем заседании секции 2 апреля 1925 года А.А.Сидоров объяснял ее так: «Политика Академии требует нашей реконструкции: Академия должна работать единообразно. Нашей прежней некоторой неоформленности (связанной с периодом создания) надо противопоставить четкую конструкцию; наша работа должна найти себе место, с одной стороны, в более широкой организации, с другой — в особом органе»⁵.

Таким органом и стал Библиологический отдел, объединивший работу в области библиографии, библиологии и библиотечного, книжно-научного, справочного и архивного дела различных подразделений ГАХН. Туда вошла Полиграфическая секция, от которой отделился печатно-графический отдел, продолживший свою деятельность в области графики и рисунка в составе секции пространственных искусств (как графическая комиссия); Библиографический кабинет, библиотечная комиссия и Кабинет революционной литературы (в качестве филиала).

В функции Библиологического отдела входило: «1) Научная работа в области книговедения, выраженная в исследованиях и докладах по библиографии, библиометрии, истории и теории книги. 2) Руководство библиотекой ГАХН, осуществляемое по особой инструкции, причем в библиотеку включались (в качестве автономных отделов): рукописное собрание; полиграфическое собрание; собрание репродукций и диапозитивов; библиографическая библиотека; биографическая библиотека. 3) Руководство библиографической работой отделений, секций, лабораторий, технических указания и консультации по составлению образцовых картотек и пр. 4) Руководство собирательской деятельностью ГАХН в области книжной, полиграфической и репродукционной, пересмотр и утверждение соответствующих ее планов. 5) Консультативная

деятельность по заданиям научных организаций по всем вопросам библиографии художественных наук и книжного искусства, созыв и участие в совещаниях по указанным вопросам. 6) Популяризация книговедения (в областях, входящих в круг ведения ГАХН), устройство выставок, издание журнала, публикация лекций и т.д.»⁶. Председателем Отдела был назначен Н.К.Пиксанов, с 1927 года — М.А.Добров, секретарем — Н.Ф.Гарелин.

Работа Библиологического отдела распадалась на несколько направлений и распределялась по подотделам, или разрядам: 1) *Разряд истории и теории книги*. Главной темой исследовательской деятельности этого подразделения была современная книга и ее элементы. Кроме того, совместно с Графической комиссией Секции пространственных искусств проводилась работа по изучению иллюстрированной книги, книги XIX века, истории русских типографий, вопросов западного книжного искусства. 2) *Разряд библиографии* занимался библиографической обработкой русской литературы по искусству, составлением различных картотек, созданием библиографии книговедения и полиграфии. 3) *Разряд археографии* — в его ведении были задачи изучения художественных архивов г.Москвы, составление «Указателя рукописей русских писателей». 4) *Разряд палеографии* сосредоточился на изучении рукописной книги, художественного письма и его стилей, рукописного искусства в их историческом развитии.

Несмотря на различную структуру и во многом целевые установки, деятельность Библиологического отдела и Полиграфической секции представляет собой единое целое. Все теоретические разработки Полиграфической секции, которые и отличали ее от многочисленных книговедческих организаций того времени, получили продолжение и развитие в работе Библиологического отдела. Тот оригинальный подход, какой применялся здесь для постановки и решения основных методологических вопросов, позволяет говорить о создании в рамках ГАХН книговедческой школы, сыгравшей немалую роль в становлении современной науки о книге.

Взяв за основу формулу, предложенную Н.М.Лисовским, — «Книговедение имеет целью всестороннее изучение книги как таковой», — члены Полиграфической секции, однако, вкладывали в это определение другое содержание, понимая познание «книги как таковой» как раскрытие «своеобразия ее формального явления»:

«Памятник, любой объект любого изучения на известной ступени научного знания должен быть познан из себя, в себе, „пережит“ во всем многообразии своем как факт. А это, поскольку „ведение“, „знание“ есть точный отчет об опыте воспринимающего нашего аппарата, а не размышления „по поводу“ порядка метафизического, означает детальное ознакомление, изучение — понимание его формы»⁷.

Считая, что наука о книге должна пройти тот же путь, что и искусствознание, — от изучения «единичного», исторического накопления фактов к «конкретному изучению своего материала в его данности» и созданию принципиального знания о законах искусства, — участники Полиграфической секции обратились к «формальному методу» — «одному из ценнейших и важнейших завоеваний современной науки»⁸, создавая новую область искусствознания — *искусство книги, или «библиономию»*. Своими предшественниками они считали

Ганса Корнелиуса и его «Основные задачи искусства», опубликованные в 1908 году, а также Пауля Реннера, чей труд — «Типография как искусство» (1922) — был объявлен как «лучшее, что сказано о книге по формальному методу»⁹.

Понятие *форма* к тому времени встречалось и в отечественных книговедческих трудах (например, у Н.М.Лисовского *книговедение* трактуется как дисциплина, интересующаяся «вопросами книжной формы со стороны ее происхождения и постепенного развития»), однако зачастую отождествлялось с «внешностью» книги. С точки зрения гахновцев, это различие принципиально и понимается прежде всего как «разница между конкретным — эмпирическим, реальным, с одной стороны, и „спекулятивным“, идеальным — с другой»¹⁰. Внешность книги всегда индивидуальна и относится к конкретному экземпляру книги. Сюда включаются такие элементы, как переплет, качество бумаги и печатной краски, «изящество» украшений и брошюровка; одним словом, это «продукт техники», тогда как форма — «продукт художественного замысла», («вывод из ряда аналогичных экземпляров,.. закономерное отношение страницы одна к другой, текста к иллюстрациям, набора к полям, шрифта — к украшениям») ¹¹. Оценка внешности книги всегда основана на вкусовых суждениях, тогда как *форма*, по утверждению А.А.Сидорова, «приземлится или отвергается мировоззрением»¹². Таким образом, *форма книги*, как и любого произведения человеческого творчества, устанавливает известные принципиальные отношения между входящими в ее состав элементами: «она есть замысел организационного порядка, к которому „внешность“ приближается далеко не всегда»¹³.

Не тождественна *форма* и понятию *красоты*, к которой относятся задачи украшения, «неизбежно вкусового, эстетического характера»¹⁴. «Эстетика книги» — это нормативное, но каждый раз определяемое своими причинами требование вкуса к той или иной книжной форме. «„Искусство книги“ — есть построение этой формы»¹⁵.

В докладе «Искусство книги и искусство в книге», сделанном на заседании секции 13 декабря 1923 года, А.А.Сидоров разделяет внешнюю форму книги на три основные составляющие: *конструкцию* (мастерство книги), *декорацию* (эстетическую сторону, искусство в книге) и *композицию* «как осознанное достижение книжной формы — искусство книги»¹⁶. К *конструкции* книги автор относит моменты производственного характера: набор, удобочитаемость, техническое совершенство брошюровки и т.п. К *декорации* — «все украшения, виньетки, иллюстрации, особые сорта бумаги и т.д., что непосредственно с книгой не связано,.. самостоятельно по сравнению с текстом». К *композиции* книги относятся «все задачи наборщика, метранпажа, составителя книжного макета, которые имеют целью придать книге органическое единство, слить текстовый набор с иллюстрацией, одну страницу с другой, „зеркало набора“ окружить полями закономерной ширины и т.п.»¹⁷.

В статье, посвященной А.А.Сидорову, Е.Л.Немировский отмечает, что до него «никто еще не рассматривал историю искусства книги, как цельный организм, включающий не только иллюстрации, но и шрифт, орнаментiku, приемы набора и верстки...»¹⁸. Эти слова, без сомнения, можно проецировать и на деятельность руководимой Сидоровым секции. Считая, что, прежде чем пытаться установить закономерность книги, ее, как и любой предмет изучения, «надо узнать», гахновцы включали в область «библиономии» (кроме самого

«искусства книги») и описательную, и архивную, и техническую, и историко-статистическую работу.

Тем не менее создание теоретической модели книговедения не являлось для участников Полиграфической секции самоцелью — конечным результатом их работы были руководство издательским процессом, выработка понятия и методики создания «безупречной книги». Эти поиски велись в условиях послевоенной разрухи, блокады, которые сильно затрудняли издательскую деятельность молодого советского государства, — ощущались нехватка квалифицированных кадров, дефицит и дороговизна бумаги, красок, цинка, что заставило отказаться от фотомеханических способов репродуцировали. «Перед журналом и книгой стояла дилемма — или совсем отказаться от иллюстрации, или вернуться к ручным методам»¹⁹. Таким образом, гравюра на дереве и на линолеуме становится основным способом украшения сначала периодических изданий, а затем и книги. Впоследствии А.А.Сидоров напишет:

«Графика неожиданно широко развернулась во всех своих видах и возможностях. Она была наиболее передовой, подлинно революционной и активной в плакате. Но графика быстро и политически правомерно захватила свои позиции и в журнале, и в газете... Графика стала также необходимой спутницей книги»²⁰.

В этой связи основное внимание художников книги сосредоточилось на гравюре, ибо именно в ней видели они наилучшее украшение наборного текста и ратовали за возрождение гравюры в книге. Закономерно название журнала «Гравюра и книга», который выпускала Полиграфическая секция в 1924—1925 годах с «целью на основе публикаций, дискуссий и оценки новых произведений гравюры и книжной графики поддержать и организовать некое объединение деятелей новой русской художественной книги»²¹.

Это издание и само являлось, с точки зрения композиционного построения, подбора шрифтов, расположения текста и иллюстраций, ярким примером «безупречной книги», хотя материальные трудности не позволили воплотить на практике все задуманное. Выходил журнал маленьким тиражом (от 500 до 2000 экз.). В качестве украшения использовались оригинальные гравюры:ксилографии, гравюры на линолеуме и офорты таких мастеров, как В.В.Воинов, И.А.Соколов, Г.А.Ечистов, В.А.Фаворский, П.А.Шиллинговский и т.д., — около 30 произведений в каждом номере. Обложка была исполнена А.И.Кравченко в технике ксилографии. Около 30 экземпляров каждого выпуска были пронумерованы, и к ним прилагалась отдельная гравюра. В составе сотрудников журнала была вся книжно-журнальная Москва. Э.Ф.Голлербах назвал «Гравюру и книгу» «зеркалом» творчества московских гравюров²².

Номер состоял из нескольких крупных статей по истории, теории книги и гравюры, в качестве которых часто публиковались доклады, прочитанные на заседаниях секции. Велась хроника текущих событий в художественной и книговедческой жизни в СССР и за границей. Был представлен обширный библиографический отдел, где помещались списки и отзывы на новейшие искусствоведческие издания, публиковались «Материалы по истории русской гравюры и карикатуры», «Материалы для библиографии современной русской графики», «Новые книжные знаки».

Сначала издание предполагалось как ежемесячное, однако позже редакции пришлось отказаться от технически сложной в то время периодичности, а

вскоре и закрыть журнал совсем. За два года вышло всего 8 номеров, что, однако, не помешало ему стать «первым серьезным научно-художественным органом, применяющим методологию социологического и формального анализа в двух областях искусства: гравюре и книге»²³.

Журнал выходил под редакцией А.А.Сидорова и при ближайшем сотрудничестве В.Я.Адарюкова, П.Д.Эттингера, Л.Р.Варшавского.

Продолжая разговор об издательской деятельности, необходимо остановиться на основном труде, посвященном книговедческим вопросам, вышедшем под издательской маркой ГАХН, — коллективной монографии «Книга в России» (1924—1925). Это фундаментальное научное исследование, освещающее пути развития русской книги от начала письменности до первых десятилетий XX века, не потеряло своего научного значения и сегодня. Как было указано в предисловии к первому тому, «предлагаемое издание, выпускаемое Госиздатом по случаю своего пятилетнего юбилея, является коллективным трудом Полиграфической секции РАХН в Москве (в I и II частях) и ответственных работников Госиздата (в III части). Оно ставит себе целью в первый, может быть, раз обозреть и сделать ясной и четкой картину развития книжного дела — но не только „книжного дела“ — *искусства книги в России*»²⁴. Перед создателями монографии стояла задача подвести итог всему ранее накопленному знанию по истории русского книжного дела и осветить собранный материал с новой точки зрения, рассматривая эволюцию формы книги — спутницы и выразительницы нашей культуры.

В докладе В.Я.Адарюкова «План издания „Книги в России“» 29 ноября 1922 года были определены те аспекты, которые необходимо осветить авторам каждого отдельного очерка, посвященного целой эпохе, для создания полноценной картины *истории искусства книги* в России, используя достижения формального метода: 1) Общая характеристика изданий данной эпохи со стороны их художественной формы, выявление иностранного влияния на характер наших изданий. 2) Типо-видовая характеристика изданий: художественных, научных, библиофильских; переводных с иностранных языков, изданий для народа и детей, альманахов и календарей, периодических изданий (с разделением их на журналы, посвященные искусству, беллетристические, научные, сатирические). 3) Характеристика внешности книг за конкретный период, где необходимо дать сведения о «характере и способе иллюстраций в их внешнем виде, количестве в размерах и в отношении к тексту, книжных украшениях, форматах, шрифтах, сортах бумаги, обложках, переплетах, книжных знаках, титульных листах, издательских и типографских марках»²⁵. 4) Сведения о творцах книги: «художниках, как авторов рисунков, так и гравюр, наиболее крупных издателей, наиболее крупных типографиях, о ценах на книги»²⁶. Так же, по возможности, должна быть проведена статистика: количество экземпляров книг, выпущенных в Петербурге, в Москве и в провинции; количество и тираж журналов, количество типографий и т.п. Каждую статью необходимо снабдить примечаниями, библиографией, указаниями на архивные и прочие исследовательские материалы.

Безусловно, от коллективной работы невозможно требовать единого уровня, не все авторы справились с задачей одинаково успешно, что неоднократно обсуждалось и самими исследователями. Тем не менее эта работа, не имеющая

аналогов ни в России, ни за рубежом, явилась программной для Полиграфической секции. Именно здесь последовательно воплотился тезис о необходимости рассматривать историю книги как часть общекультурного процесса.

В ГАХН впервые посмотрели на книгу не только как на средство «сообщения знаний», а как на «своеобразное, обладающее вполне закономерной формой, произведение человеческого гения»²⁷. Развитие эта теория получила лишь в 1960-е годы — эпоху второго возрождения науки о книге, когда она во многом определила ее дальнейшее развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАЛИ. Ф.941. Оп.9. Ед.хр.3, л.7.
2. РГАЛИ. Ф.941. Оп.9. Ед.хр.11, л.110.
3. Там же.
4. РГАЛИ. Ф.941. Оп.9. Ед.хр.6, л.18.
5. РГАЛИ. Ф.941. Оп.9. Ед.хр.11, л.110.
6. РГАЛИ. Ф.941. Оп.9. Ед.хр.11, л.125.
7. Сидоров А.А. Книга как объект изучения и художественные элементы книги. — Книга в России. М., Государственное издательство, 1924—1925. Т.1. Русская книга от начала письменности до 1800 года. С.13.
8. Там же. С.12—13.
9. Там же. С.25.
10. Там же. С.14.
11. Там же. С.15.
12. Там же. С.14.
13. Там же. С.14.
14. Там же. С.19.
15. Там же. С.19.
16. РГАЛИ. Ф.941. Оп.9. Ед.хр.5, л.36
17. Там же.
18. Немировский Е.Л. Ученый и книга. — Сидоров А.А. Друг книги — советский библиофил. М., «Книга», 1981. С.23.
19. Там же. С.12.
20. Там же. С.13.
21. РГАЛИ. Ф.941. Оп.1. Ед.хр.24
22. См: Отдел рукописей русского музея. Ф.32. Ед.хр.72.
23. Гравюра и книга. 1924. №1. С.3.
24. Книга в России. С.5.
25. РГАЛИ. Ф.941. Оп.9. Ед.хр.1, л.30.
26. Там же.
27. Книга в России. С.5.